

Татьяна Матасова

Византийское наследие в России и Венеции в эпоху Петра Великого*

Tatiana Matasova

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

The Byzantine heritage in Russia and Venice in the era of Peter the Great

DOI: 10.31857/S086956870016248-3

Отечественную историографию последних десятилетий отличает устойчивый интерес к истории связей России с греческим миром после падения Византии под натиском турок в 1453 г. Отношениям русских государей с восточными патриархами, «милостыням» московских правителей в афонские монастыри и в другие обители православного Востока, проблемам греческого влияния на церковную и интеллектуальную жизнь XVI—XVIII вв. уделяют внимание такие российские исследователи, как Б.Л. Фонкич, Т.А. Опарина, Д.Н. Рамазанова, Н.П. Чеснокова, В.Г. Ченцова, Т.В. Никитина, О.Е. Петрунина, Л.А. Герд. В истории отношений России с итальянским миром в XV—XVIII вв. греческий элемент также был весьма существенным.

Особое место среди итальянских государств этого времени занимала Венеция, *quasi alterum Byzantium*, как о ней говорил кардинал Виссарион — выдающийся греческий интеллектуал и церковный деятель, главный инициатор брака Софьи Палеолог с Иваном III. С другой стороны, Виссарион, будучи «римлянином» и по духу, и по месту жительства, с 1440-х гг. способствовал налаживанию связей Московской Руси именно с «Вечным городом». Венецианские греки с конца XV столетия в той или иной степени были вовлечены в отношения Русского го-

сударства и со Светлейшей республикой, и с Римом. Как справедливо заметил протоиерей Георгий Флоровский, сам брак Ивана III с Софьей «привёл... к сближению Московии с итальянской современностью»¹. Нельзя не вспомнить и другого выдающегося представителя Русского зарубежья — Н.П. Кондакова, полагавшего, что русская и итальянская средневековые культуры питались из одного, византийского источника, что способствовало продуктивному сотрудничеству двух миров². Таким образом, связи России с итальянскими государствами были нередко переплетены с отношениями с греческим миром.

В числе актуальных вопросов российской науки традиционно находится и проблема оценки преобразований Петра Великого — главные особенности отношений государя с Европой, характер заимствований с Запада, вектор его реформ как в светской, так и в церковной жизни России, предпосылки его бурной деятельности. В последние годы продуктивно исследуются связи Петра I с итальянским миром, особенно с Венецией и папством³.

Эти направления соединены в фундаментальном исследовании протоиерея Алексея Ястребова, посвящённом истории дипломатических, церковных и культурных связей России последних десятилетий XVII —

* Ястребов А.О. Русско-венецианские дипломатические и церковные связи в эпоху Петра Великого: Россия и греческая община Венеции. М.: Познание, 2018. 394 с.

первой четверти XVIII в. с Венецианской республикой. Значительная роль греков в этих связях неоспорима. Автор монографии, много лет проживший в Италии, получивший степень доктора философии в Папском Урбанианском университете (Рим) и в 2002—2019 гг. несший послушание настоятеля православного прихода святых Жён-мироносиц в Венеции, поставил перед собой задачу раскрыть широкую панораму русско-венецианских связей, в которые были активно и неизбежно вовлечены греки, жившие в «городе мостов и каналов» и/или связанные с Лагуной тесными семейными, интеллектуальными или другими узами. А.О. Ястребов стремился показать роль греческой общины Венеции в процессе активизации контактов России и Светлейшей республики в контексте не только сближения с Европой в целом, но и внутривосточных инициатив царя, направленных на модернизацию страны. Последнее требовало в том числе квалифицированных кадров на разных направлениях. Решение поставленной в работе научной задачи невозможно без обращения к церковным настроениям греческой диаспоры Венеции и особенностям межконфессиональных отношений. Эта проблематика неизбежно выводит и на сюжеты, связанные с симпатиями в отношении «латинян», которые были характерны для не слишком значительной, но всё же заметной части русской аристократии и духовенства, которые подчас становились тайными католиками. Таковыми стали, например, братья Александр и Сергей Милославские, Пётр Артемьев, Палладий Роговский (Рогов) (с. 325—341)⁴.

Исследуя различные аспекты связей России и Венеции, Ястребов справедливо выделяет два их этапа: первый (1695—1701) «был подчинён антиосманской тематике и связан-

ным с нею военным вопросам», второй (1710—1722) «проходил под знаком коммерческого интереса» (с. 107). Несомненным достоинством книги является то, что автор начал исследование с достаточно ёмкого, но структурно значимого экскурса в историю становления греческой общины Венеции. Тем самым он показал, как унитарным деятелям греческой общины Италии уровня кардиналов Исидора и Виссариона уже в конце XV столетия уступило место твёрдое в убеждениях православное духовенство, искавшее возможностей свободного исповедания веры, пусть и в ситуации католического окружения и вынужденной эмиграции. Так проявилось духовное преодоление унии даже в среде той немногочисленной части греческого народа, кто изначально был миролюбиво настроен по отношению к «латинянам»⁵. Автор блестяще представил историю появления в XVI в. греческой церкви Св. Георгия в Венеции, связанную с началом некоторого притеснения православных уже в конце XV в.: Совет Десяти издал официальный запрет на совершение богослужений по православному чину в любом другом месте, кроме изначально католической церкви Св. Власия (с. 191). С той поры греки около столетия добивались права возвести собственный храм.

Рассказ о перипетиях жизни православной греческой общины в Венеции в середине XV—XVII в. дал возможность показать истоки настроений греческой диаспоры города, которые доминировали на рубеже XVII и XVIII вв. и, соответственно, определяли отношение венецианских греков к России, их надежды и чаяния в отношении русского государя. Автор убедительно показал, что греки, находившиеся в Венеции в довольно принижённом положении, жаждали видеть в Петре I своего заступника и

избавителя. Однако реальность оказалась значительно сложнее. Пётр действительно благоволил православным грекам Лагуны, но не ради заботы об их участи, а в связи с нуждами собственной страны. Именно благо Российского государства являлось для Петра главным ориентиром и главной целью. Ястребов нашёл множество подтверждений тому, что именно при Петре греки были вовлечены в процессы строительства Российской империи, чему способствовало благоприятное стечение обстоятельств.

На рубеже XVII и XVIII вв. в Венеции наступил период мощной католической реакции, сопровождавшийся захватом греческой церкви греко-католиками (1708), во главе которых стоял митрополит Филадельфийский Мелетий Типальд⁶. Ястребов справедливо отмечает значение этого трагического обстоятельства: «Именно в такой момент венецианских греков поддержал Пётр, давая им понять, что они не оставлены один на один с католическими властями» (с. 194). В свою очередь «обиженные православные оказались как нельзя кстати в его внешне- и внутривосточных планах. Он широко применил знания единоверцев как в России, где они сформировали костяк военной, медицинской и церковной элиты, так и за её пределами, в первую очередь в самой Венеции, где они исполняли дипломатические и консульские функции» (с. 252). Выступив защитником православия в Лагуне, Пётр — *Petrus Primus Russograecorum (!) Monarca*⁷ — дал грекам надежду на заступничество и помощь чуть ли не во всех сферах их жизни, что позволило государю широко привлекать их на военную и гражданскую службу. Очарование русским царём было столь велико, что перу именно венецианского грека Антонио Катифоро принадлежит знаменитая биография Петра Великого⁸,

приобретшая большую популярность в Европе и позже переведённая на несколько языков, в том числе на русский (с. 228).

Нельзя не упомянуть ещё одно достоинство книги, состоящее в том, что автор последовательно знакомит читателя с греками, находившимися на русской службе в царствование Петра (начиная с 1680-х гг.). Среди них не только такие известные деятели, как Иоанникий и Софроний Лихуды (особенно важна для автора фигура Иоанникия как выдающегося интеллектуала и видного дипломата) (с. 70—87), Дмитрий и Иван Боцисы или врачи Иаков Пеларино и Георгий Поликала (по всей видимости, оказывавший и весьма сомнительные с этической точки зрения услуги при дворе) (с. 152), но и справщик Афанасий Скъяда, медики Иван Мелиссинно, Антон Севасто, Михаил Скендо, сподвижник И. Боциса Анастас Лихуд (сын Иоанникия), священник Ливерий Колетти (близкий Мелетию Типальду, бывший духовник царевича Алексея), русский агент в Венеции Андрей Кассис.

Говоря об участии греков в деле передачи интеллектуальной традиции, стоит отметить, что те с начала новой эры по крайней мере дважды становились трансляторами выдающейся культурной миссии, способствовавшей сущностному перерождению культуры, которой они несли свою мудрость. В частности, это произошло в конце XIV — начале XV в., во время эмиграции на Запад, когда греческие учителя (Мануил Хрисолор и др.) обучали греческому языку итальянских гуманистов, чьи труды ознаменовали подлинное начало эпохи Возрождения. Отмечу, что эхо этой учёности чувствовалось и в русской культуре рубежа XV и XVI вв. Во второй раз это случилось в последние десятилетия XVII — начале XVIII в.,

когда «итальянизированные» греки просвещали Россию, становящуюся империей. Примечательно, что они обучали не только греческому, но и итальянскому языку. Интересно, что в самом конце XVII в. «изучение итальянского языка для русской молодёжи было приоритетным» (с. 83). Так, на правление Петра приходится своеобразное преодоление острого противоречия между «латинофилами» и «грекофилами», имевшее место в России в 1680-х гг.

Ястребову удалось тонко прочувствовать черты сложной и противоречивой политики Петра на рассматриваемом направлении. По мысли автора, император как мудрый и чуткий политик в отношении венецианских греков, терпевших притеснения от католиков, не шёл «на конфликт ни с Римом, ни с католической Венецией», взывая эти мощные силы лишь к законности и справедливости в отношении тех, чьи интересы он обещал защищать. Исследование со всей очевидностью обнаруживает, что «в планах Петра греки, конечно, играли чисто техническую роль, но сами они, видя в нём единственного, кто по-настоящему думает о них или, по крайней мере, публично декларирует своё единство с ними, были готовы служить ему всеми доступными средствами» (с. 222, 254). Эта традиция служения русскому православному государю идёт ещё от греков последних десятилетий XV в., приехавших на Русь в окружении Софьи Палеолог или немного позднее. Траханиоты⁹, Ралевы, Ангеловы¹⁰, Ласкарисы находились в числе тех, чьи умения и таланты способствовали становлению сильного государства с центром в Москве. Именно в Венеции в ту пору греки так надеялись на силу русского государя, который сможет освободить их родину, что подчас были готовы выдать желаемое за действительное.

Наслушавшись греков и вдохновлённый их надеждами, сенатор Доменико Малипьеро в 1470-х гг. сообщал, что московский «король» Иван III «в скором времени направится на борьбу с турками, потому что он — зять деспота Фомы Палеолога»¹¹. Для мира итальянских греков старший сын Ивана III и Софьи Палеолог оказывался не столько продолжателем рода Рюриковичей, сколько наследником византийских императоров. Воспитанный в Италии Максим Грек, обращаясь к Василию III, называл его «Василием Ивановичем Палеологом»¹². Греки конца XVII — первой четверти XVIII в. продолжали эту традицию. Русские государи для них оставались единственной надеждой.

Исключительно важно, что Ястребов, пристально исследовав петровское время, стремился к более широкому историко-культурному обобщению, формулируя наблюдения над характером и ролью греческого влияния в России и в Венеции XV — начала XVIII в. Основываясь на глубоком знании как опубликованных, так и архивных источников, обладая широчайшим историческим и, что немаловажно, богословским кругозором, автор справедливо заметил, что греческое наследие преломлялось в этих двух мирах, пусть и имеющих общий исток, совершенно по-разному. И Русское государство, и Светлейшая республика стремились в ходе своего исторического бытия наследовать лучшие черты Ромейской державы. По мысли Ястребова, в конечном счёте у Москвы получилось то, что не вышло у венецианцев, поскольку если в первом случае имел место мирный процесс и добровольное вручение греками московскому государю прав на лидерство среди православных народов, во втором всё было не так однозначно. Многолетнее соперничество Венеции и Константинополя,

из-за которого во многом последний сделался неспособным противостоять османской угрозе, отсутствие действительной помощи Запада в критический для империи момент, активная католическая пропаганда среди греков до и особенно после 1453 г. — всё это сделало Венецию неоднозначным партнёром для наследников византийцев. Тем более что там они оказывались в униженном положении эмигрантов, а в Москве принимались в качестве ценнейших кадров в главных сферах жизни государства и общества. Несмотря на то что именно в Венеции оказалось огромное количество мощей общехристианских святых¹³, Венеция, увы, не стала таким же духовным общехристианским центром, как Рим или Константинополь. Москва же, пусть и не обладавшая таким числом общехристианских реликвий, но сумевшая преодолеть все выпавшие на её долю трудности и использовать дарованные ей богатства, стала истинным «Третьим Римом».

Большим подарком читателям служат Приложения, в которых приведены тексты и, что особенно важно для русскоязычных исследователей, переводы малоизвестных¹⁴ или вовсе не известных ранее документов по истории греко-русско-венецианских отношений. Из числа последних выделяются царские грамоты 1686—1687 гг. и грамота от дожа 1695 г., а также документы 1703 г., связанные с греками на русской службе И. Бодисом и Г. Дасколи (с. 273—289, 291—299), впервые вводимые Ястребовым в научный оборот.

В своём исследовании Ястребов не раз обращается к петровской политике в отношении католической Церкви, специально рассматривая её и в одном из разделов Приложений. Автор не только остановился на известных фактах диалога России с Римом, но и, базируясь на неизвестных

до настоящего времени источниках, пришёл к выводу, что отношение Петра к «латинской» Церкви было двояким. Богослужение, богословские особенности, церковная практика, архитектура — эти и другие¹⁵ аспекты привлекали царя, особенно в годы его молодости, когда, разочарованный в православном духовенстве, не поддерживавшем в основной массе его реформы, он определял свои приоритеты в других христианских традициях. Тем более что связи России с Папским престолом, обусловленные нуждами реальной политики, возобновились уже в 1672—1673 гг. Говоря о последних десятилетиях XVII в., уместно воскликнуть вслед за классиком историографии русско-итальянских связей, немалое время посвятившим разысканиям в итальянских архивах: «Мыслимо ли было огородить себя (от сношений с католиками. — *Т.М.*) китайской стеной, если соприкосновение с Западной Европой усиливалось с каждым годом!»¹⁶. Но крайняя политизированность римской Церкви, её неразборчивые методы в достижении целей, а главное, ещё не изжитая со времён Средневековья претензия на главенство над светскими монархами не только в духовных, но и в мирских делах привели к жёсткому отпору и негативным суждениям царя о политике папства (с. 317—318).

Книга исключительно удачно иллюстрирована редкими и подчас уникальными изображениями Венеции XVIII столетия, её заголовки умело стилизованы под печать петровского времени. Бросается в глаза, впрочем, невнимательность корректоров издательства, допустивших несколько досадных оплошностей¹⁷. Отсутствие именного и географического указателей затрудняют быстрый тематический поиск по насыщенному конкретными фактами исследованию.

Эти недочёты, впрочем, никак нельзя вменить в вину автору.

Книга А.О. Ястребова представляет собой пример вдумчивого и глубокого междисциплинарного исследования, находящегося на стыке истории внешней политики России, истории культуры и богословия. Перед нами актуальный, интересный и во многом уникальный труд, способствующий как трансляции уже добытого знания, так и новым размышлениям, а главное — благодаря введению в научный оборот новых источников — будущим открытиям.

Примечания

¹ *Флоровский Г.В.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 58.

² *Кондаков Н.П.* Иконография Богоматери. Т. 2. СПб., 1915. С. 392—393. Эта мысль развита А.Г. Габричевским в статье, написанной в 1947 г., но так и не напечатанной в то тревожное время. Искусствовед писал: «Единство эллинской традиции, переданной Византией как Италии, так и Руси, может отчасти объяснить то “чудо”, которое совершилось в Московском Кремле в 1475—1479 гг. (речь идёт о строительстве католиком Аристотелем Фиораванти главного храма православной Руси. — *Т.М.*)» (*Габричевский А.Г.* Итальянские зодчие в России // Россия и Италия. Вып. 2. М., 1996. С. 226).

³ *Андросов С.О.* Русские заказчики и итальянские художники в XVIII в. СПб., 2003; *Андросов С.О.* Скульпторы и русские коллекционеры в Риме во второй половине XVIII века. СПб., 2011; *Плюханова М.Б.* Борис Иванович Куракин в Риме в 1707 году // *Dalla Russia in Italia. Intelletuali e artisti a Roma (XVIII e XIX secoli)*. Salerno, 2015. С. 23—40.

⁴ Вслед за Е.Ф. Шмурло и А.В. Флоровским М.Б. Плюханова справедливо отметила, что русские стольники, отправленные в Италию для изучения мореходного дела в последние годы XVII в., «встретившись с католическим миром, переживали смущение и колебания, в разной степени сближаясь с католичеством... К русским ученикам были приставлены активные деятели католической церкви» (*Плюханова М.Б.* Борис Иванович Куракин... С. 28).

⁵ Неприятие унии основной массой греческого духовенства и народа ярко описано в воспоминаниях Сильвестра Сиропула (*Сиропул С.* Воспоминания о Ферраро-Флорентийском соборе (1438—1439). В 12 ч. СПб., 2010. С. 298, 312, 323).

⁶ *Ястребов А.О.* Новые сведения о деятельности митрополита Мелетия Типальда на рубеже XVII—XVIII вв. // «Восстанет цесарь в опустевшей земле»: Люди, время и пространство русской истории. К 70-летию профессора Н.С. Борисова. М., 2020. С. 296—306.

⁷ См.: *Петрунина О.Е.* Русско-греческие отношения и эволюция «Великой идеи» греков в XIII — начале XX века // Греческий мир в XVIII—XX вв. в новых исторических исследованиях. М., 2006. С. 36.

⁸ *Catiforo A.* Vita di Pietro, il Grande imperador della Russia, estratta da varie memorie publicate in Francia e in Olanda. Venezia, 1736.

⁹ В недавнее время доказана историчность Мануила Дмитриевича Траханиота (*Матасова Т.А., Воробьёв Г.М.* Новый документ по истории связей греческого мира и России последней четверти XV в. // Византийский временник. М., 2016. Т. 100. С. 256—270).

¹⁰ Хотелось бы обратить внимание читателей на открытие новых документов, связанных с Мануилом Ангеловым — послом Ивана III в Италию (*Матасова Т.А.* Миланский список московской грамоты 1493 г.: автограф грека из окружения Софьи Палеолог // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 2(80). С. 5—13; *Матасова Т.А.* Латинский перевод грамоты Ивана III 1493 года в Милане и Флоренции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 2(84). С. 41—51).

¹¹ *Annali Veneti dall'anno 1457 al 1500 del senatore Domenico Malipiero, ordinate ed abbreviate dal senatore Francesco Longo* // Archivio storico italiano. Vol. VII. Parte I. Firenze, 1843. P. 106. Русский перевод отрывка см.: *Скржинская Е.Ч.* Русь, Италия и Латиния в средневековье. СПб., 2000. С. 281. Об интерпретации этого высказывания Малипьеро см.: *Матасова Т.А.* Софья Палеолог. М., 2016. С. 163—164.

¹² *Преподобный Максим Грек.* Сочинения. Т. 1. М., 2008. С. 119.

¹³ *Де Антига Р.* Венеция. Гавань святых. СПб., 2021; *Ястребов А.О.* Святыни Венеции: Православный историко-художественный путеводитель по базилике Святого Марка и церквям Венеции. Падуя, 2010.

¹⁴ Под «малоизвестными» документами я понимаю те, что были опубликованы ещё Е.Ф. Шмурло в фундаментальных изданиях источников по истории русско-итальянских отношений, «потерянные» в обилии других документов, собранных этим выдающимся исследователем. Между тем именно отобранные Ястребовым источники весьма ярко отражают многие идеи, представленные в его исследовании.

¹⁵ В эпоху Петра Великого предпринимались попытки получить некоторые святыни из Рима, в том числе частицу мощей Алексия, человека Божия, — небесного покровителя единственного сына Петра и одного из самых почитаемых в России святых с домонгольской

эпохи. Получение этой реликвии было одной из целей римской миссии кн. Б.И. Куракина 1707 г. (Плюханова М.Б. Борис Иванович Куракин... С. 30).

¹⁶ Шмурло Е.Ф. Сношения России с папским престолом в царствование Петра Великого (1697—1707) // Историки-эмигранты: Во-

просы русской истории в работах 20-х — 30-х гг. М., 2002. С. 212.

¹⁷ Например, на с. 112 написано «стало Ливорно», тогда как правильно — «стал Ливорно»; на с. 146 и далее правильно написано «Скьяда», однако на с. 153 ошибочно — «Скьяда».

Максим Зайцев

Рец. на: А.В. Белов. Реформа города Екатерины II (по материалам губерний Центральной России). М.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2019. 613 с., ил. (Historia Russica)

Maksim Zaytsev

(Saratov State University, Russia)

Rec. ad op.: A.V. Belov. Reforma goroda Ekateriny II (po materialam guberniy Tsentral'noy Rossii). Moscow, 2019

DOI: 10.31857/S086956870016239-3

Отечественная историческая урбанистика, набирающая в последние десятилетия всё больший размах, пополнилась фундаментальным трудом сотрудника Института российской истории РАН, кандидата исторических наук А.В. Белова. Это логическое продолжение многолетней работы автора, результаты которой — его диссертация¹ и несколько монографий². Новая книга посвящена предпринятой в правление Екатерины II реформе города, под которой понимается комплекс мер, направленных на формирование новой сети городских поселений, закрепление за ними внешних статусных признаков и конкретных функций, создание разнообразных государственных и общественных учреждений, введение официальных типологии и иерархии поселений. При этом «реформа города» отделяется от «городской реформы», заключавшейся в упорядочении системы самоуправления и хозяйственной деятельности посадского (городского) населения путём фиксации его прав и обязанностей (с. 10, 59—60). Такой подход придаёт исследованию опреде-

лённую новизну, отличая его от наработок предшественников (И.И. Дитяткина, А.А. Кизеветтера, Н.Д. Чечулина, Ю.Р. Клокмана, Б.Н. Миронова, Л.Ф. Писарьковой, А.И. Куприянова и др.). До сих пор никто не пытался комплексно рассмотреть совокупность государственных мероприятий эпохи Екатерины II, направленных на трансформацию российского города.

В центре внимания автора — губернии Центральной России: Калужская, Ярославская, Владимирская и Московская, являющиеся в историко-культурном смысле «сердцем» нашей страны. Проведение реформы города в данном регионе, безусловно, оказало существенное влияние на совершенствование принципов и методов самого преобразования, не говоря уже о её значении для местного социально-экономического и культурного развития.

Структуре работы присущи стройность, взвешенность и внутренняя логика. Первые две главы посвящены рассмотрению подготовительных мероприятий, а также анализу выработке оснований реформы. По мнению